

Глава 1

МЕТРО

Метро показалось ему опасным.

Не потому, что здесь был странный подвижный воздух. Не потому, что стоял гул и грохот. Не потому, что то и дело в толпе мелькала полицейская форма.

Просто слишком много людей. Всяких — и понаехавших, и бабулек с кошелками, и длинноволосых парней с расфокусированными взглядами, и девочек с надутыми губами и нарощенными волосами, и отличниц в очках и с тетрадками. Встречались и менеджеры в дорогих костюмах, и мужички в телогрейках, и шумные студенты с рюкзаками и гарнитурой в ушах. Поди пойми, кто из них по Женькину душу болтается.

А то, что за ним следят, Женька затылком чувял. Раньше бы он сказал по-другому, но он старался избавляться от нехороших слов. Лишнее это. Велик и многообразен русский язык, можно и по-человечески выражаться, потому что никогда не знаешь, куда тебя ветер занесет.

Женька оглянулся, прижимая к животу сумку-бананку. Никто не обращал внимания на худого, криво подстриженного подростка в больших солнечных очках. Подтянул штаны: жрать надо больше, исхудал уже до невозможности, а как жрать, когда кусок от нервного напряжения в рот не лезет?

Ничего, успеет и отожраться, и отоспаться. Еще немного — и в шоколаде будет. Надо только деньги по адресу доставить.

Стратегической ошибкой Женьки было то, что он спустился в метро — он и сам сейчас это понимал, но было уже поздно. Его явно срисовали. Выйдет наверх — станет только хуже. Тут можно и в толпе затеряться. Оглянулся, вдох-

нул... а потом стрелой, расталкивая теток с сумками, бросился в только что открывшиеся двери поезда. Разумеется, получил какой-то авоськой по спине, пару раз матюгнулся в ответ, но успел выскочить обратно на платформу через другую дверь. Тяжело дыша, спрятался за колонной, снял рюкзак, достал оттуда толстовку с Микки-Маусом и кепку с ушками и торчащими из-под нее лохмами парика. Быстро переоделся, очки убрал, выпрямился. Был мальчик Женя, стала девочка Женя. Или Жанна, как он предпочитал себя называть. Поясная сумка скрылась под объемной толстовкой, куртка была засунута в рюкзак.

Светловолосая миниатюрная девушка в джинсах и кроссовках достала из кармана зеркало и помаду, ловко наредила губы и осторожно осмотрела окрестности. Затылок печь перестало, но это ничего не значило. Поправила рюкзак на плечах, спокойно прошла к противоположной платформе. Чем хорошо метро — катайся, сколько влезет. Рано или поздно выедешь, куда нужно.

Загудел приближающийся поезд. «Девочка» в толстовке с Микки-Маусом сняла рюкзак, чтобы не задевать им пассажиров, шарахнулась в сторону от тетки с баулами, а потом ее с силой ударили между лопаток.

Женька полетел вниз, на рельсы, теряя по дороге не только рюкзак, но и блондинистую шевелюру.

«Ну, охренеть, — успел он подумать. — Покатался на метро».

А дальше включились инстинкты. Перекатиться между рельсами, прижимая к телу явно сломанную от удара о землю руку. Вжаться в бетонный пол, закусить губу от страха, когда с ревом приближается многотонный поезд, и молиться о том, чтобы не задеть какой-то там контактный рельс. Мальчик мало что знал про устройство метро, но где-то слышал, что главная опасность — не удар о землю и не поезд, а именно тот самый рельс, а уж где он находится — и понятия не имел.

Поезд со скрипом, со стоном остановился. Близко-близко. Стало вдруг тихо и даже светло (это Женька глаза осмелился приоткрыть), а сверху раздались крики:

— Живая девка!

— Быстрее вылезай!

— Помогите же ей!

Какой-то мужик прыгнул вниз, схватил Женьку в охапку и передал наверх в чьи-то руки. Мальчишка взвыл от боли.

— Я вызвал «скорую», — крикнул бородатый дядька в камуфляже. — Эй, девочка! В смысле, мальчик! Где болит?

— Рука сломана, — прошипел Женька сквозь слезы.

— Идти сможешь? Разойдитесь, граждане, мальчика надо вывести наверх, там «скорая». Идти сам сможешь? В рюкзаке что-то ценное было?

— Постараюсь, — проглотил Женька очередной крик боли. — В рюкзаке телефон, лекции... Пофиг. Главное, что живой.

Толпа потихоньку расходилась. Катастрофы с трупами и брызгами крови не случилось, а дальше уже неинтересно. Тем более что нашелся герой, который принял ответственность на себя.

Женька, поддерживаемый мужиком, вышел на воздух. Какая хоть это станция? Он уже и забыл.

— Деньги где, уродец мелкий? — неожиданно прошипел хороший дядька. — В сумке?

Он толкнул ошалевшего мальчика в больной локоть, задрал толстовку и срезал ножом «бананку», а потом как-то ловко ткнул этим же ножом Женьке в бок. Видимо, в печень. Мальчика охватил холод, от слабости подкосились ноги. Боли не было.

Кто-то заверещал, все вокруг закрутилось с бешеной скоростью.

Прежде чем отключиться, Женька успел подумать:

«Неужели они и в самом деле считают, что я таскаю несколько сотен баксов в поясной сумке? Даже обидно, что они держат меня за дурака...»

По статистике десять процентов детей из детского дома не доживают до тридцати лет. Треть становится наркоманами. У половины... а впрочем, Женька в его девятнадцать вошел в первую группу.

Наверное, зря он связался с Углическим. Но на самом деле выбора у него не было. Недвижимость дорогая, даже в об-

ласти. Как только он окончил школу и получил заветный сертификат на квартиру, к нему пришли люди, которые популярно объяснили, что сироте жилье не особо и нужно. Все равно — сдохнет в подворотне. Но если будет возникать — то войдет в эти пресловутые десять процентов не к тридцати годам, а прямо сейчас. Умирать Женьке не хотелось. Квартиру отдавать тоже. Вот и придумал на свою голову разыскать одного старого знакомого.

Лет в одиннадцать Женька с приятелем сбежали из лагеря и уехали на электричке в Москву. Там попрошайничали, стали воровать. Познакомились с интересными ребятами, которые взяли над малышкой шефство и научили некоторым забавным штукам. Женьку хвалили особенно: очень ловкий он был, шустрый, да еще мелкий, ему лет восемь давали на вид, никак не одиннадцать. А еще у Женьки была отменно развита интуиция. Задница чувствительная, как говорили его новые друзья. Уже тогда Женька заприметил одного человека — Алексея Углического. Умный мужчина, жесткий, но не садист и со своими справедлив. Женька был уверен, что Углический далеко пойдет, и не ошибся. Сейчас Алексей владел несколькими гостиницами и парой кабаков. Кстати, именно Углический сдал парней обратно в детдом, популярно пояснив, что срок надо домотать. Женька обиды не таил, ибо внял аргументам умного дяди. Тот во всем оказался прав.

Поэтому, наверное, Женька даже варианты не рассматривал: только к Алексею. Нет, была, конечно, еще причина... Пожалуй, даже решающая. Но о ней не стоит.

Бывшему детдомовцу потребовалось несколько месяцев, чтобы разобраться в делах Углического и найти на него выход. Пришлось воспользоваться запрещенными приемами — но ничего, прокатило. Углический Женьку узнал и пообещал к себе взять, в дело, если он испытание пройдет.

Испытание было плевое: к одному кенту в особняк пробраться и сейф обчистить, причем Женьке даже коды дали. И личное дело.

Кент любил молоденьких мальчиков, а Женька по-прежнему выглядел лет на четырнадцать. Подцепить извращенца и попасть к нему в спальню было несложно. А там выпили-

закусили, Женька ему пару капель слотворного спойл. Сам даже не опьянел — в него алкоголь, почитай, с молоком матери вливали. Привык, мог много выпить.

А денег в сейфе не оказалось, только документы. Их парень тоже прихватил. Деньги в одном из диванов были. Конечно, Женька и не думал их при себе держать, положил в коробку да отнес в службу доставки. Потом получит при необходимости. Но тот факт, что за ним следят, настораживал. Явно не люди Углического его пасли, слишком агрессивное было внимание.

В общем, лоханулся Женька. Его нелепая смерть явилась за ним в девятнадцать. Обидно.

Глава 2 РАЙ НЕБЕСНЫЙ

Женька очнулся в каком-то непонятном месте. Над головой был белый с зеленой окаемкой круг, от которого расходились красные лучи. Круг светился. Болели бок и рука.

С трудом повернув голову, Женька обнаружил рядом с собой старика с коричневым лицом, редкой бороденкой и косыми глазами. На врача дед походил мало, на апостола Петра еще меньше. Старик был совсем голый, даже без трусов.

— Блин... — простонал Женька в отчаянии. — Все-таки эти уроды меня настигли.

Старик что-то сказал не по-русски. Женька не понял. Он помнил несколько слов по-английски, и на этом его познания в иностранных языках заканчивались.

Как ни странно, дед начал одеваться, не сделав ни малейшей попытки насильничать парня. Потом приподнял Женьку и поднес к его губам глиняную плошку.

— Суу¹.

— Сам такой, — буркнул Женька.

В плошке была вода, холодная и чистая. Женька осушил ее в два глотка, и в голове наконец стало проясняться. Нет,

---

¹ Пей (*кохтск.*). — Здесь и далее примеч. авт.

это не рай. Для рая слишком жарко и рука болит. И не ад — в аду никто не поднесет холодной воды. Значит, он живой. Вывезли поди куда-то, чтобы с телом не возиться. Нет тела — нет дела.

Женька не слишком разбирался в географии, он вообще в школу ходил мало. Поэтому понятия не имел, могли его отвезти в какую-нибудь Магнолию... нет, «Магнолия» — это стрип-бар Углического. Монголия, во. Далеко ли Монголия от России? Наверное, рядом, потому что у них в детдоме Монгол был. Такой же, как этот дед — косоглазый и с желтой кожей.

Почему он подумал о Монголии? Потому что находился явно в чуме. В чумах еще чукчи живут, но тут слишком тепло для Чукотки.

На руку был наложен лубок из жесткой толстой кожи. Бок замотан тряпками. Надо же, а говорили, что удар в печень — смертельный. Видимо, промахнулся бородастый.

Женька попытался сесть, и дед тут же бросился к нему.

— Тэх, тэх¹, — закудахтал старик.

— Иди в задницу, — буркнул Женька и тут же взвизгнул от оплеухи. Не сильной, но обидной.

Старик охватил его лицо руками, прищурился так, что черные глаза стали почти щелочками, и прикоснулся лбом ко лбу Женьки.

— Будешь непотребно ругаться — буду бить, — прозвучало в голове у парня.

Женька никак не мог понять, как старик догадался. Хотя... экстрасенс, похоже. Телепат. Охре... Умереть не встать!

Ладно, понял. Лежать так лежать.

Но лежать все равно было стремно. Хотелось чем-то заняться. Книжку бы или телик, хотя откуда телик в чуме? Телефон остался в рюкзаке, жаль. От нечего делать ощупал себя. Дед явно его переделал. На Женьке мятая ветхая рубаха и широкие штаны, завязанные шнурком на талии. Блин, выходит, дед видел его голым. Капец!

Старик, к счастью, одетый, снова показался в поле видимости. Сунул под нос чашу, на этот раз с каким-то отваром.

---

¹ Лежи, лежи (кохтск.).

Женька выпил — терять-то все равно нечего. И так смертник. С травками, авось, побыстрее дело пойдет. Не успел даже мысли додумать — засосало во тьму.

Проснулся зверски голодным, учуял запах мяса. С мясом у Женьки были особые отношения. Он до безумия любил все мясное, а в детском доме кормили хоть и разнообразно, но правильно. Котлетки паровые, супчики. Колбасу, сосиски, просто жареное мясо почти не давали. А в самостоятельной жизни мясо и вовсе было недоступно, хлеба бы добыть и кефира — и то праздник.

Дед же сунул Женьке под нос настоящий мясной бульон, в котором плавали травки (куда ж без них) и крупные куски мяса. Рот затопило слюной.

Старик с удовольствием смотрел, как его пациент с жадностью хлюпает бульоном и вылавливает мясо пальцами. Хорошо. Он боялся, что чужак привык к чему-то более изысканному. Все же кожа белая, руки нежные, да и вообще... но чужак, кажется, тот еще дикарь. Хотя нет — отдает тарелку и ищет, обо что бы вытереть пальцы. Станный набор звуков незнакомого языка светится хорошо, правильно. Благодарность, причем от сердца. Шаман Аасор слов не понимал, но цвет их видел — это лучше, чем ничего.

Он отставил в сторону пустую миску, кинул раненому чистую тряпку, а потом стукнул себя в грудь и сказал:

— Кохтэ.

— Жень, — мгновенно ответил чужак, прижимая ладонь к груди.

— Йгуй¹, — покачал головой старик. — Аасор. Кохтэ.

Чужак захлопал светлыми глазами, явно растерявшись, скривил губы. Аасор подал ему руку, жестом предлагая встать. На чужеземце все заживало как на собаке. Страшная рана в боку затянулась на глазах. Конечно, тут и мазь Аасора помогла, и ритуал вливания силы. Но не обошлось и без высшего вмешательства. Впрочем, неудивительно. Незнакомец был настолько необычен, и одежда у него настолько странная, что сразу понятно — все не просто так.

---

¹ Нет (кохтск.).

Женька поднялся. В боку мимолетно кольнуло, и боль ушла, а рука не болела вовсе. Вышел вслед за стариком из чума, зажмурился от яркого солнца. Со всех сторон было небо. Он никогда не видел столько неба, да еще пронзительно-голубого, ясного. И воздух, воздух! Чистейший. Пахнет травами. Ни газов тебе выхлопных, ни мусорных куч. До города, видимо, далеко. Кругом поле с желтой сухой травой, только где-то в отдалении виднеется зелень. И чумы, похожие на тот, из которого он вышел.

— Кох, — сказал старик и обвел рукой вокруг. — Кох.

Потом ткнул себя в грудь:

— Кохтэ.

Ну тут и ежику понятно. Местность называется Кох, жители — кохтэ.

— Русский, — сказал Женька. — Рус.

— Рюс? — удивился старик. — Рюс!

— Аасор, — кивнул Женька, ослабившись, что должно было означать дружелюбие. Показал на себя. — Евгений. Рус.

— Дженна, — согласился старик.

— Евгений, — нахмурился Женька.

— Дженай, — поправился старик. Повертел головой, ткнул пальцем в чум. — Гэр.

— Гэр, — обрадовался Женька, теперь Дженай. — А это? — присел, дотронулся до земли.

— Дэлхий.

— Круто!

Старику Женькина любознательность явно нравилась. Он улыбался и называл все вокруг, пока Женька не почувствовал: еще немного — и голова взорвется. Осел на какой-то тюк, потирая виски, а потом удивленно повертел сломанной рукой. Работает ведь, чудеса! Все же он в раю. Старик поглядел на его восторженное лицо и фыркнул.

К чуму, то есть к гэру вприпрыжку подбежала смуглая узкоглазая девчонка лет восьми. На ней была красная рубашка с желтым поясом, из-под которой выглядывали пыльные босые ноги. Черные волосы девочки были заплетены в две косы и перевязаны кожаными шнурками с монетками. На лбу — расшитая бисером лента. Явно не простая девочка,

дочь какого-то начальника. Девочка поставила на землю горшок, который принесла, и затрещала так быстро, что Женька заморгал. Не ребенок — сорока какая-то! Дед что-то тихо отвечал. Девочка спрашивала, лукаво поглядывая на Женьку. Дед сердился и махал руками, под конец и вовсе топнул ногой. Девчонка нисколько не испугалась, только засмеялась и убежала, а шаман взял горшок, заглянул внутрь и заулыбался. В горшке оказался плов, но не такой, как привык Женька. Сладкий. То есть мясо там тоже было, но еще и ягоды какие-то типа изюма. Просто потрясающе вкусно. Женька мгновенно проглотил свою порцию и уставился на деда так жалобно, что тот усмехнулся и подвинул к нему весь горшок. Женька не ломался, сожрал все, да еще пальцем протер.

К вечеру, почти на закате, снаружи раздались топот копыт и гортанные крики. Старик успокаивающе махнул рукой — свои, стало быть. Полог отодвинулся, в шатер вошел мужчина, некрупный, среднего роста. Узкие глаза, смуглое молодое лицо, красная туника с желтым поясом, бритые виски и черные волосы, завязанные хвостом на затылке.

У Женьки засвербело в затылке. Опасность! То, что перед ним кто-то вроде Углического, понятно сразу. Местный авторитет. Руки по локоть в крови. Держится по-хозяйски, но не выпендривается. Этакий ласковый убийца.

Ласковый убийца что-то сказал деду, показывая на Женьку рукой.

— Рюс, — ответил дед. — Дженай. Хуу¹.

— Рюс? — удивился мужчина и присел рядом с Женькой на корточки.

Протянул руку. Женька отпрянул. Мужчина засмеялся, показывая крупные белые зубы, а потом все равно дотронулся до коротко стриженных светло-русых волос. Приподнял подбородок, попытался раздвинуть губы. Женька натурально оскалился, зарычал, как волчонок. Мужчина снова расхохотался, хлопая себя ладонями по коленям.

— Йох, — произнес он. — Чоньин сэтэл!

---

¹ Мальчик (*колтск.*).

Встал, посмотрел на мальчика сверху вниз и что-то сказал деду.

Тот всплеснул руками, затараторил сердито, потом жестом велел Женьке встать и задрать рубаху. Мальчик осторожно приподнял ветхую одежду, обнажая впалый живот и повязку на боку. Старик быстро снял полосы ткани. Рана на боку уже зарубцевалась, и ткань вокруг нее хоть и была красная, зашитая грубыми нитками, но особо опасным это не выглядело. Гной не сочился. И вообще, казалось, что Женьку ткнули ножом не менее недели назад.

Глава 3 РИТУАЛ

— Пей, — сказал Аасор сидевшему перед ним и отчаянно часавшемуся неразумному ребенку. — Будем к духам звать.

Ребенок его слов не понимал, но это пока. Внутри Дженая тоже есть дух. И если человека сложно и долго учить новому языку, то духи друг друга понимают без слов. Аасору никогда еще не приходилось творить такое колдовство, но он был рад, что сможет попробовать. Получится — отлично, нет — баня еще никому не повредила.

Для того чтобы сделать все правильно, пришлось звать на помощь воинов. Те прибежали быстро — еще бы, сам шаман зовет! — да еще просились мыться с ними, но Аасор сказал: «Обряд очищения от злых духов для чужака», — и они быстро передумали. Мало ли каких духов может изгнать из них шаман! Может, дух вождения к женщине или дух соперничества, или старую ненависть, без которой многие не мыслили жизни. Этак выхолостят тебя, как мерина, и будешь всю жизнь думать только то, что тебе хан прикажет... Больно надо!

Юноши, весело перекрикиваясь и бросая любопытные взгляды на забившегося в самую темную часть шатра светлоглазого бледного мальчишку, вынесли подушки, одеяла, сундуки, сняли покрывала и рейки пола, занесли и поставили на землю большой котел, под которым развели огонь.

В огонь положили булыжники. Потом старый шаман зама- хал руками, выгнал всех и плотно завесил вход. Начал ки- дать в котел травки и порошки, а затем и раскаленные кам- ни.

У Женьки все плыло перед глазами. В шатре стало очень душно. Резко запахло чем-то сладким. По спине потекли ка- пли пота.

— Раздевайся, — скомандовал старик, и Женька с удивле- нием осознал, что понимает его.

— Не буду, — сказал он.

— Разденься и завернись в полотно. — Аасор кинул Женьке кусок ткани. — Смотреть не буду, но помыться нуж- но, чтобы выздороветь и смыть прошлое.

— Зачем это? — нахохлился Женька, быстро раздеваясь и заматываясь в простыню наподобие римского патриция. — Меня все устраивает.

— Проще не вернуть, ты теперь среди моего народа, среди кохтэ. Будет проще, если ты отпустишь ту жизнь и примешь эту.

— Что мне это даст? — спросил прагматичный Женька, утирая краем простыни пот с лица.

— В тебе дух воина. — Голос шамана звучал вокруг маль- чишки, он даже не мог понять откуда. — Будешь воином. Умеешь что?

— Ножи метать умею, — прошептал Женька, хватаясь за голову, которая кружилась так, что его закачало. — Драться умею ножом.

Что-то еще говорил — много, захлебываясь словами, но вокруг уже была такая тьма, что Женька не понимал, жив он или мертв.

Наутро у Женьки болело все тело, а больше всего болела голова. Натуральный Винни Пух — внутри опилки. Он по- пытался подняться, но не смог: все, на что его хватило, — от- ползти и вывернуть содержимое желудка не на покрывало, где он лежал, а чуть дальше, на землю. Он скорчился на бо- ку, неглубоко и часто дыша и пытаясь зубами стереть горечь с языка, и едва не плакал, а старик подошел к нему и потро- гал за обнаженное плечо.

— Ну что, Дженай, — сказал он. — Совсем помираешь или жить будешь?

— Не дождетесь, — злобно прошипел Женька и замер, понимая, что говорит не по-русски. Все. Он теперь кохтэ. Капец.

— Эх, волчонок, — засмеялся Аасор, который после вчерашней душегубки чувствовал себя отлично. — Слабый, а огрызается. Ну ты поспи, потом полегчает. Наверное.

Женька зарычал, потом засмеялся, а потом снова потерял сознание.

Позже оказалось, что слова он знает не все. Чужой язык худо-бедно уложился в его голову, как пресловутые опилки, но родным не стал. Иногда он понимал все, что говорит Аасор, иногда натурально зависал, слыша только звуки. Зато бок после «бани» зажил совсем. Дженай уже на следующий день смог выйти наружу, а потом начал помогать шаману по хозяйству: выносил подушки на солнце, мыл посуду в деревянной кадке, пытался стирать одежду, за что получил по рукам.

— Стирают женщины, — строго сказал Аасор. — А ты — воин.

— Мне не зазорно, — спокойно ответил Женька. — В походе придется самому, там женщин нет.

Он уже знал, что кохтэ — кочевники, они не дураки сесть на коней и поскакать в набег на соседей. Женька хотел в набег, это весело.

— Э, слушай, кто в походе стирает! — засмеялся старик. — В реке кровь замоют и снова на коня! Так что брось тряпки и показывай, как ты с ножом управляешься. Еще пара дней, и хан за тобой пришлет.

Женька широко раскрыл светлые глаза. Хана он боялся. А вдруг хан его прогонит или просто прикажет убить?

Выяснилось это гораздо быстрее, чем хотелось бы. Снова появился тот, в красной рубахе, поглядел на Женьку и сказал старику:

— Отец велел чужака привести. На испытание. Сколько ему? Четырнадцать зим есть?

— Есть. Но он не кохтэ, — недовольно ответил Аасор. — Какое ему испытание? Наши мальчишки с детства готовятся, а этот — рюс. В женском шатре рос.

— Не мои проблемы, — равнодушно ответил краснорубашечный. — Не пройдет испытания — будет рабом. Отрубим ему мизинцы и еще кое-что, и пусть стирает да воду таскает — ему не привыкать.

Женька прищурился, внимательно разглядывая болтуна. Что ж, он запомнил каждое слово. Он вообще ничего никогда не забывал и не прощал.

На вид посланцу хана лет двадцать пять. Молодой, загорелый дочерна, с узкими черными глазами и волосами, выбритыми на висках и завязанными сзади в короткий хвост. Лицо наглое, не красавец, но сразу видно — с женщинами проблем нет. Очень уж самоуверенный тип, да еще улыбается противно, насмешливо так. Женька ненавидел, когда над ним смеются, и это оскорбление тоже записал на счет краснорубашечного.

Глава 4 ИСПЫТАНИЕ

Женьку трясло от волнения. Он уже успел смириться с тем, что умер в своем мире. Прошлого все равно не вернуть. А здесь все по-другому, здесь даже не средневековье, а дикая степь. Но ему не привыкать.

Однажды он все лето жил с приятелем в шалаше на берегу Волги. Мылись в реке, нужду справляли в кустах, а ели то, что удавалось украсть на дачах, благо недостатка в еде никогда не было. Славное время! То шашлыки, то рыба копченая, то овощи наисвежайшие. Потом и яблоки. Хлеб таскали из птичников, там же иногда и курицу прихватывали, но это если уж совсем прижимало. С курицей возни много: ощипать, выпотрошить, разделать. И, главное — ну сварили. Раз поели, два. Три. А потом — надоело. Закопали остатки. Огурцы лучше — футболкой протер и жуй.

Тут по сравнению с «дикой» жизнью просто санаторий. И еду сварит кто-то другой, и помыться организуют, и одежду вон выдали вполне себе крепкую, хоть и поношенную. А самое главное — никаких тебе небоскребов, машин, метро

и гонок на выживание. Тут ты просто живешь. Идеально. Да еще тут жарко.

Женька понимал, что самая интересная жизнь — она явно не в шатрах. Воины — вот кто элита здешнего мира. А для того чтобы стать воином, нужно учиться. На лошади он не сидел ни разу, правда, умел ездить на велосипеде и мопеде. И даже на права учился, но экзамен по теории завалил. Ну и ладно. Зачем нужны эти правила, если никто их не соблюдает? К тому же у него никогда не будет машины, вот так-то. Драться саблей он тоже не умел. Зато умел воровать. И драться ножом. Тут он Аасора не обманывал — мало кто мог сравниться с Женькой в ловкости. И в меткости — он мог броском перерезать натянутую веревку. Да что там веревку — лист с дерева срезал. Только бы нож попался хороший! Здесь такой не достать, а Женькина коллекция ножей осталась где-то на чердаке московской многоэтажки, там у него имелся схрон. Ну и пусть — плата за жизнь такая. Ножи было страшно жалко, но себя гораздо жальче. И все же: не мертвый — это главное. Так что, Дженай, прекращай ныть и готовься к испытанию, которое тебе придется пройти.

Аасор, мерзкий старикашка, про испытания рассказывать наотрез отказался. Сказал — каждому свое. Тоже мне, оракул нашелся. Знать бы, что его ждет — было бы не так страшно. Драться Женька не боялся, а вот неизвестность страшила.

Разумеется, Женька не выспался. Уснешь тут от волнения! Поднялся с первыми лучами солнца, не в силах больше лежать. Будить Аасора не стал, тихо вышел из шатра. Сел на циновку, скрестив ноги, уставился в небо. Небо! Он мог никогда больше его не увидеть! Воздух! Какой он сладкий! И даже боль в сведенной судорогой ноге напоминала теперь уже Дженаю, что он жив. Это было невысказанное счастье.

Закрыв глаза, подставляя бледное лицо лучам рассветного солнца и ощущая настолько острое счастье, что слезы сами собой навернулись на глаза. Плакал Женька разве что пару раз в жизни — и то от боли. А сейчас у него, наоборот, ничего не болело. Глупость какая — реветь как девчонка.

— Как тебя там... мальчик, — раздался тихий голос. — Пойдем.

Женька мгновенно распахнул глаза. Девушка, кажется, внучка Аасора. Красивая, с круглым лицом, веселыми глазами и двумя черными косами. Он ее уже видел: она приносила еду пару дней назад. Улыбалась еще ему так приветливо, ямочки на щеках демонстрировала.

Женька вскочил, оправляя на себе рубаху. На всякий случай кивнул. Девушка откинула голову и рассмеялась — как колокольчики зазвенели.

— А ты забавный, — сообщила она. — Пойдем, там тебя ждут. Потом поговорим, если захочешь.

— Меня зовут Дженай, — сообщил Женька немедленно.

— Я — Листян.

О чем говорить с красивыми женщинами (впрочем, и с некрасивыми тоже), Женька понятия не имел, поэтому дальше шел молча. Девушка то и дело оглядывалась, приоткрывала рот, чтобы что-то спросить, но Женька делал лицо кирпичом и демонстративно ее не замечал. Только бы не вздумала с ним заговорить! Страшно.

Так и дошли — молча. Вдвоем.

На большом вытоптанном поле был выложен камнями круг вроде арены — большой, метров десять, а то и пятнадцать в диаметре. В камни были вставлены факелы, пока не горевшие. Возле «арены» топтались мальчишки. Разные — и восьми лет на вид, и двенадцати. Кто-то в лохмотьях, кто-то — в красивых разноцветных шмотках. Ясно-понятно, социальное неравенство.

Воины тоже были — Женька насчитал шестерых. Один уже в возрасте. Можно было бы сказать — старик с лицом, изрезанным морщинами и седыми волосами ежиком — вот только держал спину «старик» очень ровно и немощным не выглядел. Двое из «взрослых» — едва ли старше Женьки. На вид им не больше восемнадцати. Тонкие, еще не звери — звереньши. Лица спокойные, суровые, а в раскосых глазах искрится лукавство. Одеты все воины одинаково: в широкие рубахи без рукавов и штаны, заправленные в невысокие кожаные сапоги на толстой подошве. За спиной — луки. На поясе — мечи (или сабли? Женька не разобрался). Длинные. На вид — опасные.

Краснорубашечный, на которого Женька затаил обиду, тоже был тут — без лука, без сабли, с одним только ножом, заткнутым за широкий пояс. Поглядел на Женьку насмешливо — с ног до головы окинул презрительным взглядом.

— Эй, рюс, подойди. И слушай. Ты не кох, но Аасор сказал — воин из тебя выйдет. Дома-то кем был? Такой взрослый — а как девчонка хилый.

— Сиротой был, — спокойно ответил Женька, любивший таким образом ставить на место наглецов. В России сирот жалели. — Родителей никогда не видел. Скитался. Воровал. Еще вопросы?

Краснорубашечный озадаченно крикнул. Такого ответа он явно не ожидал. Снова окинул взглядом, теперь уже без насмешки, внимательно.

— Сколько зим тебе?

Женька немного замялся. Мелкий, худющий — в Москве, если сравнивать со здешними мальчишками, он был не такой уж и миниатюрный. Даже выше, чем многие старшие. Но сказать, что ему уже восемнадцать — да это просто смешно! Его не поймут.

— Пят... надцать.

— Много. В таком возрасте наши дети — уже мужчины. Ну, посмотрим, на что ты способен. Верхом ездить умеешь? Лук?

— Не умею, — угрюмо ответил Женька, уже понимая, что все — воином ему не быть. Кому нужен ничего не умеющий переросток?

— Ладно. Постой, погляди, как проходят испытания. Если решишься — скажи.

В глазах краснорубашечного мелькнула жалость, а жалости Женька терпеть не мог. Шагнул за ним, шипя, как дикий кот:

— Решусь. Прямо сейчас. Какая разница когда? Хуже-то уже не будет.

Узкоглазый остановился, задумался.

— Ты же не знаешь, что тебе нужно сделать.

— А если буду знать, это что-то изменит?

— Да. Ты успеешь продумать, как действовать.

— А что, в настоящем бою всегда все идет по плану?

Краснорубашечный смотрел на него долго-долго. Молчал. Женька тоже молчал, понимая, что если его сейчас допустят к испытаниям — он уже наполовину победил. Ну что тут могут от него потребовать? Заставить драться с кем-то из старших? Скажут шагнуть босыми ногами в огонь? Отрежут палец, вырвут ногти? Привяжут за ноги к коню? Воображение рисовало самые немыслимые ужасы.

Наконец мужчина кивнул.

— Меня зовут Баяр, — сказал он. — И я возьму тебя учеником в свою сотню, если ты справишься.

Женька широко улыбнулся. Он догадывался, что узкоглазый сказал что-то важное, к тому же мальчишки вокруг него, до этого молча прислушивавшиеся к разговору, вдруг загалдели, затолкались.

— Нечестно! — закричал парнишка в шитой золотом рубахе. — Ты всегда берешь трех, редко — четырех! Почему — чужестранец?

— А я беру не самых знатных, Охтыр, — спокойно ответил Баяр. — И не самых сильных. И не самых ловких. Я беру тех, в ком сильнее душа воина. В рюсе она есть. Я ее вижу. Осталось только понять, хватит ли его, чтобы выдержать мое обучение.

Мальчик что-то процедил сквозь зубы, сплюнул, а Женька вдруг понял, что даже если Баяр возьмет себе двух — этот вот Охтыр точно не будет в их числе. Так ему, выскочке, и надо.

— Выбери себе оружие, рюс. Можешь взять у воинов любое.

Женька широко раскрыл глаза: оружие? Ему еще и оружие дадут? Ну, тут все просто. Ему нож нужен. А лучше два. Большой и поменьше. Оглядел с ног до головы Баяра, протянул руку. Достал из-за его пояса кинжал, повертел в руках. Нет, для него — тяжелый. Запястье быстро устанет. Отдал обратно.

— Хочешь нож? — угадал узкоглазый. — Эй! Дайте ему ножи!

Взрослые мужчины, толпящиеся у «арены», подошли и выложили на землю у ног Женьки с дюжину разных ножей. Кривые, прямые, разной формы и размера. С деревянными

или костяными рукоятками, один даже — украшенный какими-то камушками. Женька хотел их все. Он страстно любил ножи. Но все ему не дали бы, поэтому он долго вертел в руках каждый, взвешивал, проверял остроту — и наконец выбрал себе два, как и собирался. Длинный, с узким и очень острым лезвием, не нож даже, а кинжал — тот самый, с драгоценными камушками. Подобный легко метать в цель. И второй — короткий, широкий, с очень удобной рукоятью. Повертел в руках, остался доволен. Отличное оружие, с таким не страшно. Если, конечно, на него сейчас не напустят вот этих подростков, наблюдающих за чужестранцем со злостью и завистью.

Женька вдруг ощутил себя в детском доме — снова. Один против всех. Поежился. Он не боялся драки один на один, а вот толпы — боялся. Нет, неправильное слово. Он ненавидел толпу. Знал, что не выстоит. Знал, что когда несколько человек идут на одного — это всегда жестоко. У толпы другое мышление. Ей можно все. Для нее нет моральных норм и запретов. Если не виноват кто-то один — не виноват никто.

Глава 5 ШАКАЛЫ

— Все? — уточнил Баяр. — Может, меч? Кнут? Щит? Топор?

— Ну вы мне еще лук предложите, — нервно и грубо огрызнулся Женька, которого вдруг заколотило так, что зубы лязгнули. Крепко сжал челюсти, сглотнул и уже спокойнее добавил: — Я готов.

— В Круг.

Под бурчание подростков и одобрительные подмигивания воинов Женька перескочил через каменную ограду — легко и ловко. Почти изящно. Огляделся, сразу подмечая места, где можно прижаться к камням. Заметил и яму справа, и кочку, и рытвины. Тут нужно быть осторожным — за просто можно подвернуть ногу. Встал поудобнее возле самого барьера, вопросительно глянул через плечо на главного.

Тот сощурился так, что глаза стали как щелки, отрывисто бросил:

— Тэгье!¹

И пространство вокруг Женьки вдруг взорвалось. Откуда-то из воздуха появились собаки. Крупные, горбатые, низко рычащие. Из размятых пастей капает слюна. Странные такие псы, он таких раньше не встречал. Рыжие, с черными полосками на хребтах. Много — Женька успел насчитать штук восемь.

Самый страшный его кошмар.

Когда-то, еще в невинном детстве, на маленького карапуза Женю напала стая бродячих псов. Исполнилось ему тогда едва ли больше четырех лет. Это был первый побег из детского дома, самый простой: он спрятался за кустами, а потом, когда воспитательница увела всех детей на обед, малыш спокойно вышел через калитку и потопал по дорожке. Не то родителей хотел найти, не то еще что — теперь уже не вспомнить. Шел долго, забрел на какую-то свалку. Копал деревянной лопаткой мерзлый снег, сам себе придумывал игру. А потом послышалось рычание — вот прямо как сейчас.

Спасли его толстая зимняя шуба и меховая шапка. И случайно проходивший мимо мужчина, который не побоялся броситься на помощь истошно вопящему кульку, которого трепали бродячие псы. До сих пор Женьке иногда снились вонючие пасти и красные языки. Во сне он всегда падал на живот и прятал лицо — как тот, маленький Женька. Наверное, с того дня и появилась у него эта странная интуиция. Он никогда надолго не поворачивался спиной к пустырям или даже подъездам. И свалки обходил стороной.

А теперь прятаться было негде. И некогда. Один из псов с рычанием бросился ему в ноги. Прыжок! Женька и сам не понял, зачем он это сделал, а только прыгнул он не на груды камней, не за ограду, что казалось логичным и правильным (и пес с ней, с военной карьерой, жизнь дороже), а в самую гущу стаи. Кого-то придавил, кого-то полоснул длинным ножом. Воткнул короткий прямо в глазницу одному из псов. Чувствовал, как рвут его плоть. Грызут лодыжку. Метят в

---

¹ Давай (*колтск.*).

горло. Не орал, берег силы. Откуда-то пришло осознание, что если вот такое испытание для каждого — то его можно пережить. Но тут даже восьмилетки были. Их же просто порвут на части! Наверное, надо просто продержаться еще немного, и псов отзовут. Уворачивался, колол, рубил, хрипел. Скользил на горячей крови, отплеывался, потерял длинный нож из правой руки. Видимо, тот где-то застрял. Впрочем, самой руки он и вовсе не чувствовал.

А потом наступила тишина. Псы исчезли, словно их и не было. Нет, тела остались. Еще шевелящиеся, поскуливающие, но как-то подозрительно бледнеющие. Или это у него в голове помутилось? Быстро сосчитал — одиннадцать. Одиннадцать здоровых псов. Правая рука висит плетью. Лодыжка разорвана в мясо. Рубашка насквозь в крови. А боли он вообще не чувствует, потому что шок. Даже на ногах умудрился остаться — или успел вскочить?

Обернулся, ища глазами Баяра: он ведь справился, верно? Возьмет его узкоглазый к себе в сотню? И тут его накрыло. Боль оказалась настолько дикой, мучительной, что в глазах потемнело. Тело словно судорогой свело. Женька почувствовал, что он сейчас грохнется в обморок, но этого допустить было никак нельзя. И он растянул губы в улыбке, быстро-быстро вдыхая воздух. Сделал шаг, другой — преодолевая ужас, припадая на левую ногу. А все же не стать ему воином — останется навеки калекой. Или на коне — не важно? Каким чудом он дошел до ограды — и сам не понял. Как в тумане. Там его подхватили сильные руки, уложили на одеяло.

— К шаману, быстро, — отрывисто бросил Баяр.

— Ну нет, — прохрипел Женька, ощупывая левой рукой лицо — к счастью, целое, только перемазанное в крови. — Я теперь хочу посмотреть, как остальные справятся.

Воины вокруг вдруг одобрительно засмеялись, один даже потрепал его по волосам.

— Ладно, — сказал Баяр. — Листян! Принеси Дженаю умыться. И перевяжи раны.

Девушка жалобно пискнула, но спорить не посмела — убежала. А Женька лежал, смотрел в бесконечно-голубое небо и улыбался, потому что Баяр назвал его по имени, а значит, признал равным. Но если бы мальчик знал, что испыта-

ние будет вот таким — ни за что бы за ограду по своей воле не зашел. Хорошо, что вызвался проходить испытание первым.

Нога уже не так пульсировала, и руку он вдруг ощутил. Пошевелил пальцами, с удивлением понимая, что она даже и не сломана. Да как так-то? Сел на одеяле, потер лицо здоровой рукой, завертел головой.

А тем временем на «арену» запрыгнул тот самый Охтыр. Маленький, юркий, злой. Как хорек. У него в руках — короткое копьё и щит. Ну-ну, и как он собирается отбиваться от псов вот этим? Интересно посмотреть! А тела прежних уже убрали — куда? Рядом с мальчишкой вдруг появились три здоровенных бородатых мужика, по виду — далеко не кохи. К счастью — безоружные. Но очень страшные. Женька дернулся, понимая: не устоять этому хорьку против взрослых воинов! Надо спасать.

— Тише. — Его плечи вдруг обвили девичьи руки. — Сиди. Не дается испытаний сверх силы.

— Он один. Он мальчик. А их трое — опытных и сильных. Они его убьют!

— Ни разу никто в Кругу не умер. Просто смотри.

Девушка тяжело и часто дышала прямо ему на ухо, прижимаясь к плечу роскошной грудью, а Женька не сводил глаз с Охтыра. Он, как и сам Женька, сперва растерялся, а потом перехватил копьё и бросился в ноги ближнему из воинов. Тот явно не ожидал такого маневра, споткнулся о смельчака, упал — и больше не встал. Охтыр, кувыркнувшись, вскочил на ноги и воткнул в спину мужика копьё. А вот вытащить не смог. Не успел. На него бросились двое других. Один ухватил парня за рубаху — красивую, новую, из тонкой шерсти. Была бы ветхая — просто порвалась бы, а эта только затрещала, но выдержала. Женька вскочил на ноги, готовясь кинуться на помощь, совершенно забыв о собственных ранах. Листян повисла на нем, не давая сделать даже шага.

— Просто смотри, — повторяла она. — Просто смотри.

И он смотрел — как огромная рука хватает Охтыра за горло, сжимая; как, изогнувшись каким-то немислимым образом, мальчишка обеими ногами толкает здоровяка в грудь.

Как тот, пошатнувшись, выпускает шею Охтыра, а проклятая рубашка наконец рвется. Как здоровяк, оступившись и попав ногой в ту самую ямку, которая так не понравилась Женьке, падает на спину, затихая, а подросток, разворачиваясь, швыряет бесполезный щит в последнего чужеземца. Конечно, такая мелочь не в силах причинить воину никакого вреда. Но свое дело щит сделал: мужчина отвлекся, смеясь, поймал его руками, а в это время Охтыр вслед за щитом головой врезался в открытый живот великана. Тот пошатнулся, упал. И откуда только взялся камень в руке мальчишки? Охтыр ударил противника в висок, бил долго и истерично, не замечая, что мужик уже и не шевелится вовсе.

Постепенно пришел в себя, оглянулся, закрыл лицо руками. Плечи трясутся. Мертвая тишина вокруг. Два молодых воина запрыгивают в Круг, споро вытаскивают тела. Охтыр выходит сам, прикрыв лицо рукавом. Подходит к Женьке и падает рядом с ним на одеяло. Листьян протягивает мальчишке кувшин с водой, тот что-то хрипит, но к кувшину приникает с жадностью. На шее у Охтыра багрово-черные следы от огромных пальцев, а на лице — размазанная от слез пыль и грязь.

— Ты настоящий воин, — шепчет ему Женька. — Я бы так никогда не смог. Они такие огромные, а ты — один троих уложил!

— Так они же без оружия, — хрипит парень, недоверчиво косясь на Женьку. — А я с копьем. Были бы они хоть с ножами — мне конец.

— Да будь я хоть в доспехах и верхом — не уверен, что справился бы, — серьезно отвечает Женька. — У них такие руки... как палицы.

Охтыр трет шею, следы на которой бледнеют на глазах, и криво ухмыляется...

А в Кругу уже следующий мальчик, совсем маленький. Наверное, самый младший. Увидев внезапно возникшего перед ним медведя, он вскрикнул и упал навзничь. Зверь потрогал его лапой. Мальчик не шевелился. Медведь с философским выражением на морде отошел в сторону и растворился в воздухе.

— Зайбан сдуся, — прокомментировал Охтыр. — А я его предупреждал. Рано ему. Верит вон в сказки. Ну откуда в Кохе беры? Они далеко в лесах живут.

И Женька вдруг разом понял. Колдовство. Каждый в этом Круге встречается с самым большим своим страхом. Не было никаких псов, и воинов не было. Только страх. Ему вдруг стало скучно. И даже неловко — не хотелось видеть кошмары других. Он понимал, что каждый из мальчишек может не справиться. А может и справиться с самим собой. Но смотреть на это он не станет.

— Куда ты? — спросил Охтыр у поправляющего рубаха Женьки.

— Домой, в смысле — в свой шатер. Я голодный, я не завтракал.

— А... я с тобой.

Шея у него была совершенно нормальной, и рубаха — целой.

— А пошли ко мне? — внезапно предложил Охтыр. — Познакомлю с отцом. Он у меня тысячник. И накормлю.

Женька кивнул. Такие знакомства лишними не будут. Обоих мальчишек все еще потряхивало, шли молча. Охтыр жил в большом разноцветном шатре, или гэре, как его называли кохтэ. Молчаливая, очень загорелая девочка, видимо, сестра, вынесла подросткам по чашке с густым сладким молоком, улыбнулась и сообщила, что отца нет, его позвали к хану. Ну нет так нет. Зато накормили.

Охтыр не спешил провожать гостя. Они грызли сухие лепешки, долго молчали, а потом новый приятель Женьки сказал:

— Из сотни Баяра выходят самые лучшие воины. Тебе повезло, что он тебя возьмет. А еще его сотня чаще других ходит в обход. И сам Баяр — добрый. К своим людям щедр, заботлив. Вот бы он и меня взял! Тогда к отцу потом я уже смогу десятником пойти.

Помолчали еще.

Со стороны Круга то и дело долетали вопли, рыки, звон оружия.

— А многие вот так с первого раза испытания пройдут? — спросил Женька.

— Нет. Я первый раз не смог. Со второго. Ты молодец. Стая шакалов — это сильно.

— Шакалы мелкие, — возразил Женька. — Это собаки.

— Это, может, в ваших землях шакалы мелкие, — фыркнул Охтыр. — А у нас — вот такие твари. И надо же — стаей. Впервые такое видел. Обычно они поодиночке шастают.

— Ну вот так, — невнятно ответил Женька.

— Кажется, закончили, — потянулся паренек. — Пошли, что ли, послушаем, кого Баяр возьмет? Вдруг да повезет кому-то еще?

— Пошли, — согласился Женька.

Встали, медленно, нога за ногу, пошли в сторону степи. Ни одному из них Круг видеть больше не хотелось, но идти было нужно.

— А ты и правда — сирота? — спросил Охтыр.

— Да.

— Удивительно.

— Почему?

Ответить парень не успел. Их двоих окружила толпа тех самых подростков. Смотрели на них молча и злобно, сверкая глазами. В руках сжимали камни и палки.

— А ты говорил, что шакалы в стаи не собираются, — пересохшими вдруг губами шепнул Дженай.

Глава 6

НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Охтыр был явно младше Женьки. На вид — лет тринадцать. Поэтому Женька по старой привычке попытался задвинуть его за спину. Услышал рычание, оглянулся. Понял. Охтыру не понравилось.

— Неужели Тойрог был к вам всем немилостив? — насмешливо выкрикнул Охтыр. Ой дурак, зачем он их дразнит? — Или Баяру девчонки в войске не нужны?

Женька ссутулился, сгибая колени. Главное — голову от камней закрыть. И в первую очередь вырубить самого сильного.

— Что, малышня, в штаны наложили в Кругу? — продолжал хорохориться его товарищ по несчастью. — А теперь вдруг решили, что толпой на двоих — это правильно и красиво? А отца моего не боитесь?

— Лучше б они боялись Баяра, — раздался негромкий мужской голос.

Дженай выдохнул, выпрямляясь. Неторопливо, вальяжно к ним подходил тот самый старик, что находился при Баяре. Охтыр вдруг задрожал и поклонился.

— Разошлись, — скомандовал спокойно старый воин. — Охтыр, когда-нибудь я вырву твой язык и скормлю его собакам. Дженай!

— Я, — едва удержался, чтобы не щелкнуть пятками, не отдать честь.

— В свой шатер быстро. И не высовывайся. Охтыр, ты пойдешь со мной.

Мальчишка кивнул, сдуваясь, потупился, ссутулил плечи. Кто же этот человек? Дженай вдруг решил — не иначе как сам хан. Конечно, а каким еще быть хану — только вот таким опытным и строгим воином.

На всякий случай уточнил у Аасора, а тот посмеялся. Нет, не хан. Хану делать больше нечего, как жеребят смотреть. На то у него сын есть. Да, Баяр — сын хана, а ты как думал? Нет, не наследник. Третий. А всего у хана шестеро сыновей и дочка-красавица. Листян, ее Женька уже видел.

Женька на всякий случай посчитал, сколько жена хана ходила беременной. По всему выходило — много. Слишком. Жуть. Ни средств для предохранения, ни какого-то иного способа избежать беременности. А ведь здесь акушерок нет, женщины в родах, наверное, помирают через одну.

А старик тот оказался названным братом хана. Нурхан-гуай считался вторым после хана, правой его рукой. Самым опытным и старым среди воинов. Говорили, что это не человек во все, а лис-оборотень, который задолжал хану и теперь стал его верной тенью. Аасор сказал, что не знает, правда это или нет, а только ни разу Нурхан-гуай в бою не был ранен. И еще — детей у него не было и жен тоже. Только приемный сын, Наран. Женщины имелись, но ни одна не понесла. А дети для коха — это показатель мужественности.

«Ну и славно, — подумал Женька, зевая. — У меня детей точно никогда не будет. Буду как Нурхан-гуай».

И размечтался тут же: вот выучится он стрелять из лука и ездить верхом — и станет правой рукой Баяра. И пусть сабля слишком тяжела для Женьки. Лука и коня достаточно. Станет он тут эльфом среди гоблинов. Один раз Женька уже умирал, теперь-то вряд ли погибнет. Не зря же ему эта новая жизнь дана.

— А Охтыр — он кто? — спросил у шамана.

— Сын Мераны, сестры хана. Отец у него — тысячник, важный человек. Из ближнего круга хана.

— А что же он к Баяру в сотню захотел, разве к отцу не проще?

— Проще. Но ты знаешь, почему у Йенгира тысяча, а у Баяра — только сотня?

— Почему?

— Потому что из его сотни самые лучшие, самые смелые выходят. Они потом сами над десятками и сотнями становятся... если выживут. Баяр — он бесстрашный. Ходит с мальчишками и на койотов, и на иштырцев — одинаково часто. Поэтому попасть к нему в сотню — самая заветная мечта каждого мальчишки.

— И тут — я! — догадался Дженай. — Чужак.

— Да. Слышал, что ты сражался как зверь. Горжусь. Говорил я — в тебе дух воина.

Женька вдруг смутился, покраснел и быстро пошел спать. Уже темнело.

Спать он не мог, ему было дурно, кружилась голова и подташнивало. День сегодняшний оказался таким насыщенным, таким бесконечным, что он просто не мог расслабиться. Проваливался в сон, потом вздрагивал и широко открывал глаза, ощущая зловонное дыхание шакалов на лице и хруст лодыжки. Долго лежал, часто и поверхностно дыша, переворачивался на другой бок — весь мокрый от пота, засыпал — чтобы снова проснуться через несколько минут, на этот раз уже от того, что бородастый великан швыряет его спиной на камни.

Не выдержал, тихо поднялся, натянул штаны и вышел.

Никогда он не видел в своем мире такого неба. И звезд — крупных, ярких и совершенно незнакомых. Не то чтобы Женька разбирался в астрономии, но уж Большую Медведицу знал, а тут ее не было совершенно точно. И луна оказалась странной: серп ее был не желтым или белым, а голубовато-зеленым. А уж когда мальчик нашел на другом конце небосвода еще одну луну поменьше, сомнений не осталось — он в другом мире. Не в прошлом, не в альтернативной реальности. Это не Земля. Его приятель Костян любил читать про всякие там путешествия по мирам. Перечитал, кажется, всего Брэдбери, Азимова и прочих выдумщиков, а потом подсел на «попаданцев». Он часто рассказывал эти свои сказки и очень грустил, что сам никуда попасть не может. Костя, кстати, умер пару лет назад от передоза. Он так мечтал уйти в другой мир, что стал искать совсем не те пути. Теперь Женька мог надеяться, что Костик все же ушел... в другой мир. Не в пустоту.

Ноги сами принесли Джена к «арене», или, как здесь ее называли, к Кругу — Тойрог. Что это за место такое? Магию Женька уже видел — все-таки жил в одном шатре с Аасором. Но тут было другое. Шаман что-то жег, что-то варил, творил какие-то обряды. Тут же ничего такого — камни и камни. Он потрогал их — крепко лежат. Даже самый маленький не сдвинуть. Задумался на мгновение и запрыгнул внутрь. Ничего. Никаких видений. Никаких призраков. Просто камни. Просто вытоптанная земля. Так что это было — днем?

— Тойрог можно пройти один раз в жизни, — раздался строгий голос. Женька подскочил и едва не заорал от неожиданности как баба. — Ты уже преодолел свой страх. Ты — воин.

— Напугала, — проворчал парень, успокаивая бешено колотящееся сердце. — Теперь я не шакалов буду бояться, а тебя.

Листян засмеялась — снова красиво, он аж невольно улыбнулся в ответ. А сам Женька обычно ржал, как придушенный ишак.

— Вот будет зрелище! Вышел воин, а на него куча девушек напрыгивает! — развеселилась Листян. — И что он станет делать?

— Сбежит, — усмехнулся Женька, высматривая в темноте свою знакомую. — Женщин бить нельзя.

— Это у рюсов нельзя? — удивилась тень возле одного из камней. — А почему?

— Ну... женщина слабее мужчины, — растерянно ответил Женька. — Какая доблесть справиться с той, что и ответить толком не может?

— У! Интересно. Но ведь кто сильнее, тот и главный.

— И что? Драться теперь, что ли? С женщинами? Хочешь силу показать — бей равного.

— Ты странный. — Девушка подошла к нему вплотную и заглянула в лицо. — И красивый. Глаза светлые. Все рюсы такие?

— Большинство, — лаконично ответил Дженай, на всякий случай отступая на шаг. — Слушай, а ты что тут забыла? Листьян порывисто вздохнула и обхватила себя руками.

— Я бы хотела пройти Тойрог.

— Вот это да! А зачем?

— Чтобы ничего не бояться.

— Ты не воин.

— Ох, как будто все эти мальчишки — воины! Из тридцати только десяток смог выстоять. А остальные трусили. А я... мне бы хоть увидеть то, чего боюсь.

— Ну... а что мешает? Попроси у Баяра. Или женщинам нельзя?

— Так Тойрог женщинам не открывается.

— Да ладно? — изумился Женька и почесал нос. — А кто-то пробовал?

— Я. Я часто сюда прихожу. И на рассвете, и днем. И ночью.

— Ну молодец. И с чем ты приходишь? С прялкой? Чего ждешь — что с горой кудели будешь сражаться?

— Но...

— Возьми оружие и с ним иди. Что ты как маленькая! А то вдруг однажды сработает, Круг откроется, а ты — не готова.

— Я не умею, — опустила голову девушка. — Не положено. Да и не удержать мне ни копьё, ни меч.

— Нож.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Метро	5
<i>Глава 2.</i> Рай небесный	9
<i>Глава 3.</i> Ритуал	14
<i>Глава 4.</i> Испытание	17
<i>Глава 5.</i> Шакалы	22
<i>Глава 6.</i> Ночные разговоры	28
<i>Глава 7.</i> Баяр	34
<i>Глава 8.</i> Листьян	40
<i>Глава 9.</i> Цель	46
<i>Глава 10.</i> Баяр и его сотня	51
<i>Глава 11.</i> Засада	57
<i>Глава 12.</i> Спасательная операция	64
<i>Глава 13.</i> Разоблачение	72
<i>Глава 14.</i> Брак	78
<i>Глава 15.</i> Последствия	86
<i>Глава 16.</i> Суд	91
<i>Глава 17.</i> Уход	98
<i>Глава 18.</i> Супружеские обязанности	103
<i>Глава 19.</i> Дикая кошка	109
<i>Глава 20.</i> Новые уроки	115
<i>Глава 21.</i> Приручение	122
<i>Глава 22.</i> Угурская деревня	127
<i>Глава 23.</i> Наедине и едины	132
<i>Глава 24.</i> Планы меняются	139
<i>Глава 25.</i> Разведка	146
<i>Глава 26.</i> Что есть будущее?	154
<i>Глава 27.</i> Больше сотни	160
<i>Глава 28.</i> Первые шаги	167
<i>Глава 29.</i> Рюс?	175
<i>Глава 30.</i> Главная	180
<i>Глава 31.</i> Охтыр	187
<i>Глава 32.</i> Жены и дети	192
<i>Глава 33.</i> Любовь	198
<i>Глава 34.</i> Сулим	204
<i>Глава 35.</i> Наговоры	210

<i>Глава 36. Слабости</i>	216
<i>Глава 37. Падение</i>	225
<i>Глава 38. Кровь и золото</i>	231
<i>Глава 39. Предательство</i>	237
<i>Глава 40. Прозрение</i>	241
<i>Глава 41. Диверсантка</i>	248
<i>Глава 42. Буря</i>	255
<i>Глава 43. Тойрог</i>	259
<i>Глава 44. Заговоренный</i>	264
<i>Глава 45. Большой совет</i>	270
<i>Эпilog</i>	277